

относится уже к поствизантийскому периоду⁶. То же можно сказать и о декоре диаконских орарей.

Весьма вероятно, что с поздневизантийского периода ведет начало обычай украшать сюжетным шитьем церковные алтарные завесы (катапетазмы). На самой ранней их них, датированной 1399 г., в монастыре Хиландар на Афоне изображен Христос Великий Архиерей между Василием Великим и Иоанном Златоустом, за которыми стоят ангелы с лабарамы в руках. В XV—XVI вв. в творчестве сербских и молдо-ва-лашских вышивальщиц искусство выполнения завес достигает высочайшего уровня. В эпоху Палеологов получают распространение также подвесные пелены с сюжетным шитьем, привешиваемые к иконам и большей частью воспроизводящие изображения на них⁷. Здесь, на широком материале, становится очевидным радикальное переосмысление византийских образцов в творчестве славянских вышивальщиц.

Искусство поздневизантийского золотного шитья почти неотделимо от активного творческого процесса, определяющего деятельность южнославянских, древнерусских и молдово-лашских мастериц. Но и на долю собственно греческого наследия приходится немало изумительных памятников. Сюжетная вышивка, стремительно входившая в обиход византийской элиты, быстро завоевывает популярность и становится желанной «живописью шелками и иглой». Изысканный рисунок лучших произведений палеологовского шитья говорит об участии в их создании выдающихся художников этой эпохи. Только двух саккосов митрополита Фотия достаточно, чтобы уяснить роль знаменщика и существенное различие между высоким качеством и ослепительной роскошью, столь часто сопровождавшей использование искусства в политических целях. Византия в этом деле имела тысячелетний опыт.

Вместе с тем вышивальщицы неизменно решали свои художественные задачи с учетом тематики композиций и назначения изделий. Они совершенствовали технику, разнообразили технические приемы. Наиболее опытные из мастериц никогда не демонстрировали пестрое сочетание швов и цвета прикреп. Изысканность и согласованность отличают все наиболее совершенные памятники шитья. Орнамент обычно играет второстепенную роль. Самостоятельные сложные орнаментальные композиции в византийском шитье XIII—XV вв. явно существовали. Но память о них осталась лишь в исторических сценах на стенах церквей и на страницах иллюминированных рукописей.

В поздневизантийский период были созданы и высокие образцы сюжетной пластики, хотя в целом, судя по сохранившимся ее памятникам, резьба по камню уже не играла такой роли, как в комниновскую эпоху. Одним из ранних палеологовских образцов является скульптурное убранство интерьера церкви Панагии Паригоритиссы в Арте (Эпир), возведенной ок. 1283—1296 гг. Его грубоватая выразительность во многом обязана традициям романики, утвердившимся в балканском ваянии столетием раньше (Студеница). Иное впечатление производит мраморная рельефная икона Христа Пантократора из церкви св. Георгия Старого в Несебре со следами заполнения пастой подножия, со стилистическими признаками, присущими столичным византийским иконам позднего XIII в. Более зрелый этап резьбы по камню представляет часть декорации церкви константинопольского монастыря Хора (Кахрие Джами), реставрация которой была завершена Феодором Метохитом в 1321 г.⁸ Однако, как свидетельствуют фасады гробниц в пареклисии того же храма, вскоре после {514} этого начинают проявляться

Файл byz3_515_1.jpg

*Епитрахиль митрополита Фотия.
XV в.
Москва, Гос. Оружейная палата.
Шелк, шитье, жемчуг*

⁶ *Vasilich A.* Један прилог класификацији в епитрахильа XIV—XIX в. // Зборник Народног музеја. Београд, 1967. Кн. 5.

⁷ *Frolov A.* La «prodea», un tissu decoratif de l'église byzantine // *Byz.* 1938. Т. 13. Р. 461—504. Благодаря отмеченному обстоятельству шитье пелен служит также материалом для реконструкции несохранившихся образцов византийской живописи.

⁸ *Belting H.* Zur Skulptur aus der Zeit um 1300 in Konstantinopel // *Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst.* Fol. 3. 1972. Bd. 23. S. 63—100; *Hjort O.* The Sculpture of Kariye Gamii // *DOP.* 1979. Vol. 33. P. 199—290.